

УДК 141

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ ВС.Н. ИВАНОВА: ЗАКОНЫ «КОНСТИТУТИВНЫЕ» И «ИНВЕНТИВНЫЕ»

© Андрей Игоревич ФЁДОРОВ

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и общественных наук
Московский государственный университет печати им. Ивана Федорова
127550, Российская Федерация, г. Москва, ул. Прянишникова, 2А
E-mail: egml8@bk.ru

Проанализирована одна из главных тем культурологической концепции Вс.Н. Иванова – сущность и диалектика законов мира природы и мира культуры, которая развивает идеи неокантианцев, В.С. Соловьева, Н.С. Трубецкого, И.И. Лапшина. На первый план выдвинуты актуальные в настоящее время проблемы положения науки, роли нравственных и правовых установлений в мире, где правит «комфорт»; специфика современной культуры; изменения сути творчества и изобретения; неразрывной связи человека и машины. Проанализирована одна из главных тем культурологической концепции Вс.Н. Иванова – сущность и диалектика законов мира природы и мира культуры, которая развивает идеи неокантианцев, В.С. Соловьева, Н.С. Трубецкого, И.И. Лапшина. На первый план выдвинуты актуальные в настоящее время проблемы положения науки, роли нравственных и правовых установлений в мире, где правит «комфорт»; специфика современной культуры; изменения сути творчества и изобретения; неразрывной связи человека и машины. Согласно Вс.Н. Иванову, мир культуры имеет диалектический, двойственный характер. Как мир материальный, реально существующий, он подчиняется закону необходимости, но вместе с тем в своей вещественности он, в отличие от закона причинности, не вечен, подвержен смерти и предполагает постоянное участие человека как творческой личности.

Ключевые слова: Вс.Н. Иванов, неокантианство, законы конститутивные (природные) и инвентивные (историко-культурные), диалектика, человек, машина

С начала 1930-х гг. в творчестве Вс.Н. Иванова (1888–1971), писателя и философа, представителя восточной ветви евразийства, происходят значительные изменения. На первое место выходят проблемы научно-философские и культурологические, связанные с вопросами роли морали, государства, науки, религии и искусства в целостном потоке мировой истории. В это время были написаны «Сказание об Антонии Римлянине», в котором рассматриваются определяющие личность духовные ценности [1, с. 75-150], доклад памяти Владимира Соловьева, содержащий оригинальную оценку его философии [2], и значительное культурологическое исследование «Дело человека: Опыт философии культуры» (Харбин, 1933). В последнем труде, посвященном «почитаемым учителям Вильгельму Виндельбанду и Генриху Риккерт», автор выступает как философ, развивающий неокантианскую проблематику в области науки и культуры, на основе которой он создает собственную культурологическую концепцию, включающую некоторые идеи и термины евразийских авторов, но в целом отличную как от неокан-

тианской, так и от евразийской моделей культуры.

По убеждению современных исследователей, «присутствие элементов кантианства можно обнаружить почти во всех сколь угодно крупных сочинениях русских идеалистов, работавших на рубеже веков», поскольку Россия XIX–XX вв. разделяла движение европейской философии этого времени «назад к Канту» [3, с. 286]. Влияние И. Канта очевидно в нормативной этике Н.А. Бердяева, работах С.Н. Булгакова, И.И. Лапшина и Л.М. Лопатина. По мнению В.Ф. Асмуса, «ортодоксальным неокантианцем» был учитель Вс.Н. Иванова – А.И. Введенский, наиболее последовательно развивавший идеи кантовской гносеологии [4, с. 441].

Известно, что главный вклад неокантианства в области гносеологии и философии науки состоит в разделении наук о природе и наук о культуре, разработке методов номотетического и идеографического, оперирующих соответственно общими и индивидуальными понятиями. В своих «Воспоминаниях» Вс.Н. Иванов отмечает, что благодаря «Прелюдиям» В. Виндельбанда для него стало

ясно, что «законы растущей, прибывающей истории» никак нельзя вывести из обобщения фактов исторического опыта, подобно тому, как мы выводим законы природы на основе наблюдений, что «в истории творит само время, тогда как науки о природе вне времени, они лишь повторяют раз данное» [5, с. 45].

В связи с этим Вс.Н. Иванов видит свою задачу в борьбе с «философским преступлением наших дней», которое заключается в «презумпировании» естественнонаучного характера нашего знания, покоящегося на законе причинности и отрицающего любой другой вид знания. Цель его труда – развитие неокантианской концепции разделения научного знания, выявление специфики мира культуры и истории, более точное определение закономерностей культурного развития с помощью обоснования роли истории, искусства, религии, мира права и морали.

Среди философов, которые, по признанию Вс. Иванова, особенно повлияли на его культурологические и гносеологические построения, кроме неокантианцев Г. Гегеля, А. Шопенгауэра, П. Бергсона и А.И. Введенского он называет И.И. Лапшина, имея в виду его книгу «Философия изобретения», описывающую полет мысли человеческой «в глубину естественных и постоянных соотношений вещей» [6, с. 36].

Наряду с разделением творческой деятельности и фантазии по видам (философия, религия, история, наука, искусство) И.И. Лапшин особое внимание уделял психологии философского и исторического творчества. Так, историки-интеллектуалы склонны к «чрезмерному упрощению или схематизации», «фактопоклонники» – эрудиты – к чрезмерно мелочной детализации. Именно у И.И. Лапшина встречается неоднократно повторяемая Вс.Н. Ивановым идея о том, что «творческая мысль есть особый синтез многообразия в единстве» [6, с. 177].

В изложении своей концепции Вс.Н. Иванов ссылается также на В.С. Соловьева («Три разговора»), Н.О. Лосского («Обоснование интуитивизма»), А.С. Лаппо-Данилевского («О признаках чужого одушевления»), Л.П. Карсавина («Святые Отцы и учителя Церкви»), Ф.М. Достоевского. Вместе с тем в критическом контексте рассматриваются дарвинизм, марксизм, «чистый опыт» эмпириокритици-

ста Авенариуса, «философия безвременья» – позитивизм О. Конта, Г. Спенсера и Дж.Ст. Милля, который «со всем элегантным вкусом английского здравого смысла» определил закон всего лишь как отношения одновременности и последовательности в явлениях природы [7, с. 23].

В духе неокантианства Вс.Н. Иванов подводит гносеологическую базу под свою культурологическую теорию, выделяя «два рода основных законов» и вводя собственную терминологию. Это законы «конститутивные», относящиеся к области «извечно существующего», «миру Естества», и законы «инвентивные», на которые опирается «мир Сознания», «область сделанного, сотворенного, изобретенного», возникающая во времени.

Что касается самого термина «инвентивные», то он ранее использовался Н.С. Трубецким в его брошюре «Европа и человечество» (София, 1920), которая, как известно, стала первым «манифестом» евразийства. Раскрывая понятие «культурная ценность», Н.С. Трубецкой отмечает, что возникновение каждой новой культурной ценности можно назвать именем – «открытие» (*invention*) и указывает при этом на автора термина Г. Тарда, социологическое учение которого он разделял «в целом ряде важных пунктов» [8, с. 83].

У Вс.Н. Иванова термин «изобретение» выступает как главная характеристика Запада, в отличие от Востока, суть которого передает понятие «созерцание». Он указывает и на автора термина: «Едва ли кто лучше определил сущность новой западной эпохи, как это сделал Бэкон, лорд Веруламский своим понятием *artis inveniendi* (искусство изобретать – *лат.*)» [9, с. 266].

В мире, основанном на целостном естественнонаучном мировоззрении, покоящемся на существующей причинности, мир целей, добра, идей, согласно выводу Вс.Н. Иванова, признается несуществующим. В этом «унылом нововековье» философия становится (перефразируя известное выражение) служанкой закона причинности и материализма. Философия конститутивных законов, неправомерно перенесенная в область социальных наук, приводит к тому, что и мораль приобретает вид «законовидной причинности». Такое общество, которое регулируется эко-

номическими отношениями, где высшим благом является комфорт, устройство материальной жизни (поскольку нет никакой другой), не хочет знать, куда оно идет. Ведь именно целеполагание отличает мир природы от мира созданной человеком культуры.

В современных исследованиях понятие комфорта связывается не с культурой, а с цивилизацией как «совокупностью достижений техники» [10, с. 229]. В отличие от данного подхода, цивилизация у Вс.Н. Иванова не является каким-то отдельным образованием, представляя собой лишь техническую часть культуры, внутри которой происходит диалектическое взаимодействие природной необходимости и свободного творческого акта. «Механическому суеверию» нигилизма и комфортности унифицированного знания, покоящегося на всеобъемлющей причинности, Вс.Н. Иванов противопоставляет исследование диалектики конститутивных и инвентивных законов. Оригинальность его концепции состоит в том, что принимая неокантианское деление наук на науки о Культуре (идеографические) и науки о Природе (номо-тетические), Вс.Н. Иванов стремится усовершенствовать эту методологию, раскрывая природу законов инвентивных.

Причина имеющей место «неразграниченности» этих направлений, по его мнению, состоит в том, что существует «закон инвентивный, который как будто сочетает в себе и единообразие закона конститутивного, и индивидуальность творческого акта», при этом, подобно законам природным, конститутивным, он является всеобщим [7, с. 128]. Поэтому «царство Культуры» одни ученые стремятся отнести к «царству Естества», а другие – «царство Естества» – к акту высшего божественного творчества.

Важное отличие этих законов состоит в том, что всеобщность закона инвентивного покоится не на «неполной подлинной индукции», которой пользуются для обоснования своих выводов науки о природе, а на индукции полной, через перечисление. «Ведь каждая неважная доля, часть царства Культуры – автомобиль, фотоаппарат – носят свой порядковый номер. Царство Культуры вовсе не бесконечно» [7, с. 128]. Это отличие законов инвентивных и конститутивных и обуславливает их диалектическое взаимодействие в разных областях культуры.

В основе осознанной деятельности человека лежит задача, стоящая перед личностью, которая «чувствует себя как бы противопоставленной жизненному потоку». Это задача по его улучшению, усовершенствованию и обновлению. Но действовать даже для собственного удобства, по мысли Вс.Н. Иванова, можно лишь на основе знания окружающего мира. И это знание предоставляют человеку законы конститутивные, которые таким образом становятся неким основанием для законов инвентивных. «То, что личность делает на основе этих законов для разрешения своей задачи – то будет ее изобретением» [7, с. 67].

В творчестве личности на основе знания законов окружающего мира Вс.Н. Иванов усматривает «акт оплодотворения существующего человеческой мыслью», который в отличие от естественных явлений находится вне времени и пространства и являет собой некую «надсущностную необходимость», т. е. необходимость иного рода, нежели природная. Диалектический момент здесь состоит в том, что результат творческого акта – изобретение (стакан, чернильница, телефон, подводная лодка) – входит в мир существующего, увеличивая мир материальной культуры. И поскольку творчество, «акт изобретения» недоступны для большинства людей, эти изобретения «ведут жизнь, подчиняясь законам конститутивным». Именно такими являются для людей, стоящих на нижней ступни развития техники, достижения более развитых в этом отношении народов.

В данном контексте весьма актуально звучит вывод Вс.Н. Иванова о том, что сама связь инвенции – изобретения с природными законами – роковым образом влияет на статус познания этих законов. Наука утрачивает свой созерцательный, «незаинтересованный», «бесстрастный» характер, свойственный античности, и навсегда соединяется с практикой. «Конститутивные законы нам нужны лишь как основа инвентивных, а сами по себе для нас они имеют мало значения» [7, с. 112]. «Теорейя» (созерцание) утратила, подчеркивает философ, свой абсолютный характер, чудовищно разросшаяся практика поглотила своим значением теорию. Алхимик или мудрец, сидящий в башне со старыми книгами, прекратил для общества свое авторитетное, красивое существование. Те-

перь это лишь его личное дело. Конститутивные законы, если и открываются, то медленно сопровождаются вопросом – а что из них можно сделать [7, с. 110]?

В результате «перегруппировки» научного знания, принадлежащего к царству культуры, главная роль теперь принадлежит не конститутивным законам, открывающим сущее, а законам инвентивным. В качестве образа такого положения дел Вс.Н. Иванов приводит индийскую сказку о покрывале богини Майи, которую ранее использовал А. Шопенгауэр. Это покрывало своими разноцветными складками скрывает от людей истинную картину мира, хотя само при этом в значительной степени выткано человеческими руками.

Связь науки с практикой, выход человечества «в практицизм», с точки зрения Вс.Н. Иванова, помимо «страсти к изобретению» обусловлен и той принципиальной непознаваемостью «вещи в себе», о которой говорил И. Кант. «Наука, – замечает Вс.Н. Иванов, – начинает с того, что гордо обещает нам показать весь мир *как он есть*, а кончает тем, что показывает историю того, что *сделало само человечество*» [7, с. 111]. С развитием науки увеличивается и количество проблем. Исследуемый мир «похож на дракона», у которого наука срубает головы, а вместо них вырастают все новые.

Огромное количество открытых учеными конститутивных законов показывает только то, что мир неисчерпаем. «Любое предметное стекло микроскопа показывает нам, что мир так же грандиозен в этом направлении, как и то, что мы видим через телескоп» [7, с. 110]. Поэтому только в «практицизме» человечество находит расшатанный этим необъятным количеством данных «баланс жизни». «Практицизм», согласно Вс.Н. Иванову, есть «корабль и компас», который позволяют нам плыть по бесконечным просторам знаний и не утонуть в них. Знание конститутивное, таким образом, не открывает нам «вещи в себе», а в инвентивном мы видим то, что сделали сами.

Современные авторы справедливо отмечают, что культурологическая теория Вс.Н. Иванова, хотя и связана с неокантианством, тем не менее, выходит за его рамки. «Иванов подвергает критике неокантианцев за «замещение» ими реальной причинности

функциональной связью, за противопоставление наук о природе наукам о культуре» [8, с. 228].

Отказавшись от теории ценностей, составляющей, как известно, сердцевину неокантианства, Вс.Н. Иванов разрабатывает в различных аспектах понятие цели, связывая с ним специфику сознательной деятельности личности. С выдвижением на первый план понятия цели, на котором покоится мир законов инвентивных, связано влияние А.С. Лаппо-Данилевского, который рассматривал человека как субъекта исторического процесса, ориентирующегося на общественно полезные цели [12, с. 253].

Диалектика отношений конститутивных и инвентивных законов является вкладом Вс.Н. Иванова в философию культуры и гносеологию, хотя сама идея о том, что естественнонаучные законы могут действовать в культуре, встречается у неокантианцев. «Ведь, прежде всего, с одной стороны, – отмечает Г. Риккерт, – вся действительность может быть рассматриваема как природа, а затем и все то, что оказывается культурой, также допускает естественнонаучное трактование. Тогда мы отвлекаемся от ценностей культуры, и тогда возникают естественнонаучные науки о культуре, как, например, большинство исследований, обозначаемых наименованием «социология» [13, с. 434]. Вместе с тем, с другой стороны, историческая мысль о развитии, согласно Г. Риккерту, может быть перенесена на природу, и тогда возникают исторические естественные науки, такие как историческая биология.

Последующий этап жизни изобретения, или образца, в культурологической концепции Вс.Н. Иванова состоит в его механическом воспроизведении (в каком угодно количестве). Идея тиражирования изобретения, его воспроизведения, составляющего основу развития культуры, встречается в уже упоминаемой работе Н.С. Трубецкого. «Раз возникнув, открытие распространяется среди других людей путем «подражания» (imitation – тоже термин Г. Гарда), причем это слово надо понимать в самом широком смысле, начиная с воспроизведения самой культурной ценности <...> до «симпатического подражания», т. е. подчинения созданной норме» [8, с. 83]. С точки зрения Вс.Н. Иванова, тиражирование обусловлено практическим

интересом – развитием промышленности. Дело технического распространения изобретения – дело промышленности. «Не восторженные студенты, затаив дыхание, следят ныне за наукой, за ее работой, за ней следят кадры могучей промышленности» [2, с. 114].

Будучи важнейшим фактором современной материальной культуры, промышленное производство бесконечно заинтересовано в науке, совершенствующей изобретения и делающей новые открытия. «В гуле машин, в сверкании огней, в гудении пара и электричества новые изобретения начинают повторяться, давая копии, и в копиях наполняют, затопляют собой мир, одновременно с этим *преобразуя* его» [2, с. 115]. Таким образом, сам прогресс по своей сути – это простое увеличение изобретений и числа их копий в мире, попавшем «под соблазн нового».

В отличие от концепций Г. Тарда и Н. Трубецкого, выдвигающих на первый план взаимодействие или противостояние новой ценности с уже существующими, Вс.Н. Иванов делает акцент на самом творческом акте изобретения, на личности творца, которая исчезает в фабричном воспроизведении, подобно «искре Прометеева огня, которая озарила когда-то изобретателя в тиши его уединенного кабинета» [2, с. 68].

Таким образом, мир культуры, мир изобретений в своей материальной области растратированных образцов предстает перед человеком как мир законов конститутивных, перед «железной необходимостью» которых человек бессилён. Так, расписание поездов не может изменить никакая человеческая воля. Неслучайно так называемая урбанистическая литература дает нам картины власти мира культуры над человеком же.

Мир материальной культуры, на особенности которого указывал ранее Г. Риккерт, начинает действовать по законам конститутивным, приобретает вид необходимости по причине его обезличивания. Человечество забыло о том, что «современная индустрия в конечном счете – тончайшее создание индивидуального духа» и что «в глубине всех колоссальных корпусов современной фабрикации» бьется одинокое человеческое сердце [7, с. 69]. Масса людей, пользующихся благами телефонной связи, транспорта и другими бытовыми удобствами, не знает имен А.Г. Белла, создавшего телефон, и изобрета-

теля паровоза В. Стефенсона. Потерял для нас всякую новизну изобретения и момент создания режущей плоскости, давно растратированный в виде ножа.

Рассуждая о месте творца в мире «конститутивной», тиражирующей его изобретения техники, Вс.Н. Иванов затрагивает особенно актуальную в наше время проблему отношений человека и машины.

Отстаивая незаменимость творческого акта человеческого сознания, он уверяет в том, что «нельзя создать механически обусловленной машины творчества», что «высший пункт всей этой головоломной системы всегда останется за человеком» [7, с. 116]. И если сейчас убежденность философа в том, что машина мертва без человека и в ней всегда должен присутствовать известный «минимум человеческого сознания», может восприниматься с известной долей скепсиса, то никаких сомнений не вызывает его заявление о том, что абсолютной свободы ни человек от машины, ни машина от человека не получат уже никогда.

Вместе с тем мир культуры при всем его давлении на человека, имеющем формы жесткой причинной последовательности, аналогичной природным законам, в целом, по убеждению Вс.Н. Иванова, нам гораздо ближе, легче и приятнее, чем «мир угрюмой и страшной Природы». «Насколько человек мал и незначителен в царстве законов конститутивных, в царстве «бездушной Природы», где любой «глупый нелепый» случай – падение камня с откоса, порыв ветра, опрокидывающий дерево, любая эпидемия угрожают ему столько же, сколько любой мухе – настолько в царстве Культуры человек чувствует себя хозяином» [7, с. 73].

Особенность мира культуры состоит не только в том, что он является созданием человека и подчиняется высшей «надсущностной необходимости», которая не сводится к природным законам. Специфика мира инвентивного также и в том, что он, в отличие от вечного и самостоятельно существующего мира природы, не вечен и подвержен не только изменению, но и разрушению. Более того, он нуждается в усовершенствовании, требует постоянного человеческого внимания и заботы. «Культура, обращенная в привычку, тем не менее, при всяком удобном к тому случае, при упущении внимания, летит

назад со скоростью ведра, вытаскиваемого из колодца, когда у него отпускают колесо» [7, с. 74].

Таким образом, мир культуры, по убеждению Вс.Н. Иванова, имеет диалектический, двойственный характер. Как мир материальный, реально существующий, он подчиняется законам необходимости, но вместе с тем в своей вещественности он, в отличие от закона причинности, не вечен, подвержен смерти и предполагает постоянное участие человека как творческой личности.

Список литературы

1. Иванов Вс.Н. Из неопубликованного. Л., 1991.
2. Иванов Вс.Н. Философия Владимира Соловьева. Харбин, 1931.
3. Филиппов Л.И. Неокантианство в России // Кант и кантианцы. М., 1978.
4. Асмус В.Ф. Избранные философские труды: в 2 т. М., 1971. Т. 2.
5. Иванов Вс.Н. Гул жизни. Из литературного наследия. СПб., 2009.
6. Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии: в 2 т. М., 1922. Т. 1.
7. Иванов Вс.Н. Дело человека: опыт философии культуры. Харбин, 1933.
8. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995.
9. Иванов Вс.Н. Мы на Западе и на Востоке. СПб., 2005.
10. Философский энциклопедический словарь. М., 2009.
11. Доля В.Е., Семенкин Н.С. Иванов Вс.Н. (1888–1971) // Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 2009.
12. Павлов А.Т. Лаппо-Данилевский А.С. // Русская философия: словарь. М., 1995.
13. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий / пер. с нем., предисл. Б.В. Маркова. СПб., 1997.

References

1. Ivanov Vs.N. *Iz neopublikovannogo* [From the unpublished]. Leningrad, 1991. (In Russian).
2. Ivanov Vs.N. *Filosofiya Vladimira Solov'eva* [Vladimir Solovyov's philosophy]. Harbin, 1931. (In Russian).
3. Filippov L.I. *Neokantianstvo v Rossii* [Neokantianism in Russia] *Kant i kantianty* [Kant and Kantians]. Moscow, 1978. (In Russian).
4. Asmus V.F. *Izbrannye filosofskie trudy: v 2 t.* [Selected philosophical works: in 2 vols.]. Moscow, 1971. Vol. 2. (In Russian).
5. Ivanov Vs.N. *Gul zhizni. Iz literaturnogo naslediya* [Rumble of life. From the literary heritage]. St. Petersburg, 2009. (In Russian).
6. Lapshin I.I. *Filosofiya izobreteniya i izobretenie v filosofii: v 2 t.* [Philosophy of invention and invention of philosophy: in 2 vols.]. Moscow, 1922. Vol. 1. (In Russian).
7. Ivanov Vs.N. *Delo cheloveka: opyt filosofii kul'tury* [Human's affair: experience of philosophy of culture]. Harbin, 1933. (In Russian).
8. Trubetskoy N.S. *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [History. Culture. Language]. Moscow, 1995. (In Russian).
9. Ivanov Vs.N. *My na Zapade i na Vostoke* [We are on the west and east]. St. Peterburg, 2005. (In Russian).
10. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow, 2009. (In Russian).
11. Dolya V.E., Seminkin N.S. Ivanov Vs.N. (1888–1971) [Ivanov Vs.N. (1888–1971)]. *Filosofskiy slovar'* [Philosophical dictionary], ed. I.T. Frolova. Moscow, 2009. (In Russian).
12. Pavlov A.T. Lappo-Danilevskiy A.S. [Lappo-Danilevskiy A.S.]. *Russkaya filosofiya* [Russian philosophy]. Moscow, 1995. (In Russian).
13. Rikkert G. *Granitsy estestvennonauchnogo obrazovaniya ponyatij* [The Borders of natural-science production of terms], trans. from German, foreword B.V. Markova. St. Peterburg, 1997. (In Russian).

Поступила в редакцию 22.04.2016 г.
Received 22 April 2016

UDC 141

CULTUROLOGICAL IDEAS OF VS. N. IVANOV: LAWS “CONSTITUTIVE” AND “INVENTIVE”

Andrey Igorevich FEDOROV

Candidate of Philosophy, Associate Professor of Philosophy and Social Sciences Department

Moscow State University of Printing Arts of Ivan Fedorov

2A Pryanishnikov St., Moscow, Russian Federation, 127550

E-mail: egm18@bk.ru

One of main themes of culturological concept of Vs.N. Ivanov – the essence and dialectics of natural world laws and the world of culture is analyzed. It develops the ideas of Neo-Kantians, V.S. Soloviev, N.S. Trubetskoy, I.I. Lapshin. The relevant problems are put forward such as the position of science, the role of moral and legal establishments in the world, where “comfort” rules; the specifics of modern culture; the change of essence of creative work and invention; the connection of a human and a machine. According to Vs.N. Ivanov the world of culture has dialectic, ambiguous nature. As material, really existing world it is obeyed to the laws of necessity, but at the same time in its materiality it is not everlasting, subjected to death and supposes constant participation of a human as a creative personality.

Key words: Vs.N. Ivanov; Neo-Kantians; constitutive (natural) laws and inventive (historical-cultural); dialectics; human; machine

Информация для цитирования:

Фёдоров А.И. Культурологические идеи Вс.Н. Иванова: законы «конститутивные» и «инвентивные» // Вестник Тамбовского университета. Серия Общественные науки. Тамбов, 2016. Т. 2. Вып. 2 (6). С. 12-18.

Fedorov A.I. Kul'turologicheskie idei Vs.N. Ivanova: zakony “konstitutivnyye” i “inventivnyye” [Culturological ideas of Vs.N. Ivanov: laws “constitutive” and “inventive”]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Obshchestvennyye nauki – Tambov University Review. Series: Social Sciences*, 2016, vol. 2, no. 2 (6), pp. 12-18. (In Russian).